
Александр Татун
Там, где он ждёт

Александр Татун

Там, где он ждёт

«Автор»
2026

Татун А.

Там, где он ждёт / А. Татун — «Автор», 2026

Что, если сон окажется реальнее жизни? Что, если целый год счастья уместится в две недели комы?Мари, 34-летняя домохозяйка из Прованса, внешне благополучна: заботливый муж Пьер, ухоженный дом, размеренная жизнь. Но внутри — пустота. Единственная отдушина — старые романы, в которых есть страсть, интрига и выбор. Однажды, в спешке собираясь на море, она падает с лестницы и впадает в кому.А просыпается... в 1847 году. В замке на обрыве, где встречает Луи — мужчину, который видит её настоящую. Она выходит за него замуж, рожает сына Люка, проживает год, полный любви, смеха и счастья. Год, который становится её единственной настоящей жизнью.Но реальность жестока. Через две недели Мари приходит в себя в больнице. Пьер плачет от радости, врачи говорят о чуде. А она смотрит на них — и не узнаёт. Для неё этот мир — сон. А тот, другой, — реальность. И она сделает всё, чтобы вернуться. Даже если для этого придётся шагнуть с края скалы.

© Татун А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Море 9
Глава 3. Чужая жизнь 12
Глава 4. Обед 15
Глава 5. Красное платье 19
Глава 6. Бал 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Александр Татун
Там, где он ждёт

Там, где он ждёт

Глава 1. Дом, в котором всё на месте

«Иногда мне кажется, что я живу в чужой жизни. Всё правильно, всё на месте. Но это не моя жизнь».

— из дневника Мари, запись от 12 сентября

Мари проснулась за пятнадцать минут до будильника. Она всегда просыпалась раньше — тело само знало, что скоро 6:45. Она лежала на краю кровати, почти свисая с матраса. Пьер спал посередине, раскинувшись. Он дышал ровно, спокойно. Он всегда дышал спокойно.

Она повернула голову и посмотрела на него. Пьер спал на спине, запрокинув одну руку за голову. Светло-русые волосы, с проседью на висках, были взъерошены. Во сне он казался моложе — морщины на лбу разглаживались, и он выглядел почти как тот мужчина, за которого она выходила замуж восемь лет назад. Почти. Но не совсем. Тот мужчина смеялся громко, мог среди ночи предложить поехать к морю, приносил ей полевые цветы, сорванные по дороге. Этот мужчина спал на спине, раскинувшись, и его лицо было спокойным — слишком спокойным. Будто он уже всё решил. Будто ему больше не нужно никуда спешить.

У него были мягкие руки — руки человека, который работает головой, а не телом. И глаза — голубые, спокойные, которые никогда не повышали голос. Он был среднего роста, плотный, любил поесть и выпить вина. Он всегда выглядел так, будто только что с совещания — даже дома, даже в выходные. Рубашка, брюки, выглаженные им самим. Мари иногда думала, что он надевает эту «форму» даже когда спит — просто она невидимая.

Она смотрела на него и думала: «Я знаю каждую пуговицу на его рубашках. Но я не знаю, о чём он думает, когда смотрит в окно».

Она перевела взгляд на потолок. Там была трещина — тонкая, в форме птицы. Она появилась три года назад, после особенно жаркого лета. Пьер говорил, что нужно вызвать мастера, но так и не вызвал. Мари нравилось думать, что птица в потолке — это знак. Что однажды она улетит. Но птица была всего лишь трещиной.

В 6:45 зазвонил будильник. Пьер протянул руку, выключил его и сел на кровати. Он всегда просыпался мгновенно, будто внутри у него был выключатель.

— Bonjour, — сказал он, не оборачиваясь.

— Bonjour, — ответила Мари.

Он встал и пошёл в ванную. Через минуту она услышала, как он поёт — ту же песню, что и всегда, что-то из восьмидесятых. Мари знала её наизусть, хотя никогда не спрашивала, как она называется. Она лежала и слушала, как вода стучит по кафелю, как Пьер фальшивит на припеве. И думала: «Он счастлив. Он действительно счастлив».

Она встала. Надела серый махровый халат — подарок свекрови, который она не любила, но носила, потому что «он тёплый». Вышла в коридор. Дверь в кабинет Пьера была приоткрыта — там всё ещё горел свет. Он работал допоздна. Она не заглянула.

Спустилась по лестнице. Полированные ступени блестели — Пьер настоял на полировке, «так красивее, как в журнале». Мари держалась за перила. Каждое утро думала: «Когда-нибудь я поскользнусь». И шла дальше.

На кухне она включила свет. Мраморная столешница — холодная, светлая, с прожилками. Пьер настоял на мраморе, «это добавляет ценности дому». Мари провела по ней рукой и почувствовала холод. Как всегда.

На столе стояли две кружки. Его — тёмно-синяя, с логотипом архитектурного бюро. Её — белая, с трещиной на ручке. Трещина появилась три года назад, когда Мари уронила кружку

в раковину. Она не выбросила её, потому что «привыкла». Пьер предлагал купить новую, но она отказалась.

Она налила себе кофе. Открыла холодильник — магниты из Лондона, Рима, Барселоны. Подарки друзей, которые привозят магниты из путешествий. Сама Мари нигде не была уже пять лет. Она взяла масло, джем, поставила на стол.

Посмотрела в окно. За окном соседка, мадам Дюбуа, поливала цветы. Каждое утро. В одно и то же время. Мари смотрела на неё и думала: «Она тоже прожила здесь всю жизнь. Она тоже каждое утро поливает цветы. И она тоже, наверное, думает: "Неужели это всё?"».

Пьер спустился через десять минут. Свежий, в рубашке, выглаженной — он всегда гладил рубашки сам, «чтобы не напрягать тебя». Он поцеловал её в щёку (мимо, почти в воздух), налил себе кофе, сел напротив.

— Ты сегодня рано, — сказал он.

— Не спалось, — ответила она.

Он кивнул. И открыл газету. Он всегда читал газету за завтраком. Мари пила кофе и смотрела на него. На его руки, которые держали газету. На его лицо, которое было спокойным. И думала: «Я знаю каждую пуговицу на его рубашках. Но я не знаю, о чём он думает, когда смотрит в окно».

В 7:50 Пьер ушёл. Поцеловал её в щёку. Сказал: «Bonne journée». Дверь закрылась. Мари услышала, как заводится его машина. И выдохнула.

Она осталась одна. Дом был пустым. Она прошла в гостиную. Открыла ставни — бледно-голубые. Мари выбирала цвет три недели, но Пьер сказал: «Давай остановимся на этом, он практичный». Она согласилась. Теперь каждое утро, открывая ставни, думала: «Это не мой цвет».

В гостиной всё было «для гостей»: жёсткий диван, ковёр, который нельзя пачкать, стеклянный журнальный столик с книгами по искусству, которые никто не читал. Камин — мраморный, с чугунной решёткой. Внутри лежали сухие дрова. Три года. Пьер говорил, что топить «непрактично». Мари иногда смотрела на них и думала: «Мы как эти дрова. Лежим и ждём, когда нас зажгут. Но никто не зажигает».

На полке — фотографии в рамках, идеально ровно. Свадьба. Отпуск в Ницце. На всех Мари улыбалась. Но она не помнила, чтобы ей было так весело, как на этих снимках.

Она прошла мимо кабинета Пьера. Дверь была закрыта. На ней табличка: «Не входить, работаю». Мари постояла перед ней. Прислушалась. Тишина. И пошла дальше.

В конце коридора была гостевая комната. Она называла её «моя комната». Односпальная кровать, старый комод, книжная полка, кресло у окна. На полке — её книги: «Джейн Эйр», «Гордость и предубеждение», «Опасные связи», «Красное и чёрное». Потрёпанные, с загнутыми уголками, с заметками на полях. Она перечитывала их каждый год.

Она села в кресло. Открыла «Джейн Эйр». Страница 127. Джейн говорила Рочестеру: «Я не птица, и никакая сеть меня не поймает; я свободный человек с независимой волей». Мари перечитала эту строчку три раза. Потом закрыла книгу. И посмотрела в окно.

За окном был сад. Качели — для детей, которых у них не было. Кусты розмарина. Оливковое дерево, старое, с искривлённым стволом. Пьер говорил, что ему больше ста лет. Мари нравилось думать, что оно видело многое: войны, революции, смену поколений. И всё ещё стояло.

Она вернулась в спальню — за тетрадью. Тетрадь лежала в нижнем ящике комода, под бельём. Она открыла ящик, достала её. И тут её взгляд упал на зеркало.

Зеркало висело на стене напротив кровати. Большое, в деревянной раме. Мари обычно старалась не смотреть в него, когда раздевалась. Но сейчас она остановилась. И посмотрела.

На неё смотрела женщина. Тридцать четыре года. Тёмно-каштановые волосы, густые, непослушные — она отрастила их, но не ухаживала. Они висели вдоль лица, закрывая глаза.

Она видела серо-зелёные глаза — с лёгкой асимметрией, правый чуть прищурен, будто всегда готова к иронии. В молодости вокруг глаз собирались морщинки от смеха. Сейчас их почти не было видно. Она редко смеялась.

Она видела худое, угловатое лицо. Щёки впали — она мало ела в последнее время. Ключицы выступали резче, чем раньше. Она видела свои руки — сильные, с короткими ногтями. В юности она занималась скалолазанием, и у неё были сильные руки. Сейчас она почти не тренировалась, но руки всё ещё выдавали силу. Она часто прятала их в карманы или за спину.

Она видела женщину в сером халате. Женщину с усталыми глазами. Женщину, которая выглядела старше своих тридцати четырёх. И она подумала: «Кто это? Я не знаю эту женщину».

Она помнила себя другой. Двадцать лет — короткая стрижка «под мальчика», синяя прядь, джинсы, кроссовки, смех. Она смеялась громко, заразительно, так, что окружающие оборачивались. Она красила глаза — всегда, даже в булочную. Она носила яркие цвета. Она мечтала о приключениях.

Теперь она носила серое. И не красилась. «Нет смысла», — думала она.

Она смотрела на своё отражение и видела женщину, которая пряталась. За длинными волосами. За серым халатом. За привычкой не смотреть в зеркало. За фразой «всё хорошо».

На левом запястье у неё был тонкий браслет — подарок бабушки. Серебряный, с маленьким кулоном в форме книги. Бабушка говорила: «В каждом веке женщины мечтают об одном и том же — чтобы их любили не за удобство, а за них самих». Мари носила браслет, не снимая. Он был её талисманом. Её напоминанием.

Она отвернулась. Взяла тетрадь. И вышла из комнаты.

Днём она спустилась в гостиную — протереть пыль. Она не любила эту комнату, но пыль нужно было вытирать. Она взяла тряпку и начала с полки. Фотографии. Свадьба. Ницца. Она протёрла каждую рамку. Потом подошла к камину. Дрова. Сухие. Три года.

И тут она увидела часы. Они стояли в углу — высокие, с маятником, с деревянным корпусом, покрытым тёмным лаком. Они достались Пьеру от бабушки. Они не работали — Пьер говорил, что «механизм изношен, а чинить дорого». Но он не разрешал их выбросить: «Это память».

Мари подошла к ним. Открыла дверцу. Внутри было пусто — маятник висел неподвижно. Она коснулась пальцами дерева, тёплого и гладкого от времени. И подумала: «Эти часы молчат уже много лет. Как и я».

Она уже хотела закрыть дверцу, но заметила на дне что-то белое. Кусок бумаги. Она достала его. Это была старая фотография. На ней — женщина в платье девятнадцатого века. Она стояла у окна с книгой в руках. На обороте было написано: *«Женевьева. 1962 год. Я обязательно закончу свой роман»*.

Мари не знала, кто это. Но она сохранила фотографию. Положила её в тетрадь, между страницами. И иногда смотрела на неё, прежде чем начать писать.

Она закрыла дверцу часов. И пошла на кухню — готовить обед. Одна. Салат и кусок хлеба. Она села у окна. Посмотрела на улицу. Мимо прошла мадам Дюбуа с собакой. Потом почтальон. Потом — никого.

Вечером вернулся Пьер. В 18:30. Устал, но доволен. Рассказал про новый проект — «очень перспективный». Мари кивнула. Сказала: «Это здорово». Он спросил: «А у тебя как?» Она сказала: «Всё хорошо». Он сказал: «Молодец». И пошёл в душ.

Они поужинали. Пьер рассказывал про работу. Мари слушала. Иногда вставляла слово. Иногда — нет. Она смотрела на него — на мужа, на человека, с которым прожила восемь лет, — и думала: «Это моя семья. Это моя жизнь. Почему же я чувствую себя чужой?»

В 22:00 она пошла в спальню. Пьер остался в кабинете — «ещё немного поработаю». Она поднялась по лестнице. Полированные ступени блестели. Она держалась за перила. И думала: «Когда-нибудь я поскользнусь».

Она легла. Открыла книгу. И представила, что она — Джейн Эйр. И что где-то есть мистер Рочестер, который спросит её: «Вы выйдете за меня?» И она ответит: «Да». Но не потому, что так надо. А потому, что она хочет.

В 23:00 пришёл Пьер. Лёг рядом. Поцеловал её в плечо. Сказал: «Спокойной ночи». Она сказала: «Спокойной ночи». Он заснул через минуту.

Она — нет. Она лежала и смотрела в потолок. На трещину в форме птицы. И думала: «Завтра. Завтра я что-то изменю».

Но завтра было то же самое.

Глава 2. Море

«Иногда я думаю: а что, если бы я тогда не побежала? Что, если бы я просто сказала: "Давай останемся дома"? Но я побежала. И всё изменилось».

— из дневника Мари, запись от 3 октября

Суббота началась как обычно. Мари проснулась в половине восьмого, когда Пьер уже варил кофе на кухне. Она слышала, как он гремит чашками, как открывает холодильник, как напевает ту же песню из восьмидесятых. Она лежала на краю кровати и смотрела в потолок. Трещина в форме птицы казалась ей особенно чёткой сегодня. Может, потому что свет падал иначе. Или потому, что она сама чувствовала себя птицей, которая не может улететь.

Она спустилась вниз. Пьер стоял у окна с чашкой кофе и смотрел на улицу.

— Доброе утро, — сказал он, не оборачиваясь.

— Доброе, — ответила Мари.

Она налила себе кофе и села за стол. На столе лежали круассаны — Пьер уже сходил в булочную. Он всегда ходил в булочную по субботам. Это был его ритуал.

— У меня идея, — сказал вдруг Пьер.

Мари подняла глаза. Он редко начинал разговор с «у меня идея». Обычно он говорил: «Я тут подумал» или «Надо бы». «У меня идея» звучало непривычно.

— Какая?

— Давай поедем на море. Сегодня. Прямо сейчас.

Мари замерла с чашкой в руке.

— На море? Сегодня?

— Ну да. Погода хорошая. Прогноз обещает солнце. До Сент-Мари-де-ла-Мер часа два на машине. Можем позавтракать там, погулять, вернуться вечером. Или остаться на ночь. Как получится.

Она смотрела на него и не узнавала. Этот мужчина, который всегда всё планировал за неделю, который составлял списки покупок и проверял расписание автобусов, вдруг предлагал спонтанную поездку. Это было так не похоже на него. И так похоже на того, за кого она выходила замуж.

— А как же твоя работа? — спросила она. — Ты же говорил, что у тебя проект.

— Проект подождёт. Я всю неделю работал допоздна. Хочу проветриться. И ты... — он сделал паузу. — Ты в последнее время какая-то задумчивая. Может, тебе тоже нужно проветриться.

Мари не знала, что сказать. С одной стороны, она чувствовала что-то похожее на радость. Надежду. Может, это шанс? Может, если они уедут из этого дома, из этой рутины, что-то изменится? С другой стороны, она чувствовала страх. Спонтанность была не в её правилах. Она привыкла всё контролировать. Но, может, именно это ей и нужно было — перестать контролировать?

— Хорошо, — сказала она. — Давай поедем.

Пьер улыбнулся. Искренне. Так, как он давно не улыбался.

— Тогда собирайся. Я заведу машину.

Она побежала наверх. В спешке. Пьер крикнул, чтобы она взяла купальник и что-нибудь тёплое на вечер. Она открыла шкаф и начала бросать вещи в сумку. Джинсы, свитер, футболка. Красное платье висело в углу, в чехле. Она посмотрела на него. И на секунду задумалась: «Может, взять?» Но нет. Это было бы слишком. Слишком нарочито. Она взяла джинсы и серый свитер.

Сумка была почти собрана. Она стояла на кровати, открытая, и Мари металась по комнате, вспоминая, что ещё нужно. Зубная щётка. Крем. Книга. Она схватила «Джейн Эйр» с тумбочки. И тут же вспомнила, что оставила телефон внизу. И зарядку.

— Мари! — крикнул Пьер снизу. — Ты скоро?

— Сейчас! — ответила она.

Она бросилась к двери. В руках — сумка, книга, телефон. Она не смотрела под ноги. Она думала только о том, что нужно успеть. Что Пьер ждёт. Что море — это шанс.

Лестница была полированной. Пьер настоял на полировке, «так красивее, как в журнале». Мари всегда держалась за перила. Но сейчас руки были заняты. Сумка, книга, телефон. Она сделала шаг. Потом ещё один. И вдруг нога скользнула.

Она не успела даже вскрикнуть. Просто почувствовала, как пол уходит из-под ног. Как она летит. Как мир переворачивается. И как что-то твёрдое ударяет её в голову.

Было больно. Очень больно. А потом — темнота.

Пьер услышал звук. Глухой удар. И тишину. Он выбежал из кухни.

Мари лежала на полу у подножия лестницы. Сумка валялась рядом. Книга раскрылась на середине. Телефон отлетел в сторону. Из-под головы Мари медленно растекалась тёмная лужа.

— Мари! — закричал он. — Мари!

Он бросился к ней. Опустился на колени. Попытался приподнять её голову. Она была без сознания. Дышала, но тяжело. На виске — кровь.

— Мари, очнись! — Он тряс её за плечи. — Пожалуйста! Очнись!

Она не отвечала.

Он схватил телефон. Набрал 15. Руки тряслись. Он сбивался, называя адрес.

— Скорая. Жена упала с лестницы. Без сознания. Голова. Кровь. Пожалуйста, быстрее.

Диспетчер что-то говорил. Пьер кивал, не слыша. Он смотрел на Мари. На её лицо. На её закрытые глаза. На кровь на её волосах.

— Мари, — прошептал он. — Пожалуйста. Не надо. Не надо.

Скорая приехала через двенадцать минут. Врачи быстро осмотрели Мари. Проверили зрачки, пульс. Переложили на носилки. Один из них сказал Пьеру:

— Мы везём её в госпиталь. У неё черепно-мозговая травма. Возможно, сотрясение. Нужно срочно сделать МРТ.

— Я с вами, — сказал Пьер.

— Конечно. Только не мешайте.

В больнице всё было белым. Белые стены, белые халаты, белый свет. Пьера попросили подождать в коридоре. Он сидел на стуле, сцепив руки. Смотрел на дверь, за которой была Мари. И думал: «Это я виноват. Я предложил поехать. Я торопил её. Если бы я не торопил...»

Через час вышел врач. Молодой, с усталыми глазами.

— Месье Делакруа?

— Да. Как она?

— Мы сделали МРТ. У вашей жены серьёзная черепно-мозговая травма. Ушиб головного мозга. Сейчас она в коме.

Пьер почувствовал, как пол уходит из-под ног.

— В коме? — переспросил он. — Но... она же дышала. Она же...

— Она дышит, сердце работает. Но она без сознания. И мы не знаем, когда она придёт в себя. Может, через несколько дней. Может, через несколько недель. Может... — врач запнулся. — Прогноз неопределённый. Мы будем наблюдать. Но вам нужно быть готовым к тому, что это может быть надолго.

Пьер сел на стул. Врач что-то ещё говорил — о лечении, о реабилитации, о том, что нужно надеяться. Пьер кивал, но не слышал. Он думал о Мари. О её лице. О том, как она улыбалась сегодня утром. Как она сказала: «Давай поедем». Как она побежала наверх.

— Я могу её увидеть? — спросил он.

— Да. Но недолго. Ей нужен покой.

Он вошёл в палату. Мари лежала на кровати, подключённая к капельнице. На голове — повязка. Лицо бледное. Глаза закрыты. Она выглядела маленькой и хрупкой. Не такой, как обычно.

Пьер сел рядом. Взял её за руку. Рука была холодной.

— Мари, — сказал он. — Я здесь. Я никуда не уйду. Слышишь? Я никуда не уйду.

Она не отвечала.

Он сидел и смотрел на неё. На её лицо. На её руку. На браслет на её запястье — серебряный, с кулоном в форме книги. Он вспомнил, как она говорила, что это подарок бабушки. И что бабушка говорила: «В каждом веке женщины мечтают об одном и том же — чтобы их любили не за удобство, а за них самих».

Он сжал её руку.

— Я знаю, что я не идеальный муж, — прошептал он. — Я знаю, что я много работаю. Что я не всегда замечаю, когда тебе плохо. Но я люблю тебя. Слышишь? Я люблю тебя. Пожалуйста, вернись. Пожалуйста.

Он закрыл глаза. И впервые за много лет заплакал.

Темнота была тёплой. Не холодной, как в больнице, а тёплой, как одеяло. Мари чувствовала, как что-то мягкое касается её щеки. Она попыталась открыть глаза. Свет был ярким, но не белым — золотистым, как сквозь шторы в летний полдень.

Она лежала на кровати. Не на больничной койке. На широкой кровати с балдахином. Под ней было что-то мягкое, пушистое. Она повернула голову. Комната была большой. С высокими потолками, с лепниной на стенах, с окнами от пола до потолка, занавешенными тяжёлыми портьерами. На туалетном столике — фарфоровый кувшин и тазик. На стуле — платье. Длинное, с корсетом, из бледно-голубого шёлка.

Мари села. Голова кружилась. Она посмотрела на свои руки. Они были те же. Но на ней была ночная рубашка — длинная, белая, с кружевами на вороте. Не её. Она никогда не носила такого.

Она встала. Ноги были слабыми, но держали. Она подошла к окну и раздвинула портьеры. За окном был сад. Большой, с фонтаном, с розами, с дорожками, посыпанными гравием. За садом — ворота, а за ними — улица. Дома были старыми. Очень старыми. С черепичными крышами, с деревянными ставнями. По улице ехала карета. Запряжённая лошадьми.

Мари замерла. Она смотрела на карету, на лошадей, на людей в длинных пальто и цилиндрах. И понимала, что это не сон. Это не бред. Это что-то другое.

Она обернулась. На туалетном столике лежала книга. «Джейн Эйр». Та самая. С загнутыми уголками. Она открыла её. На первой странице было написано: *«Мари. 1847 год»*.

Она закрыла книгу. И посмотрела в окно. На незнакомый мир. На незнакомую жизнь. И подумала: «Где я?»

Ответа не было.

Глава 3. Чужая жизнь

«Я не знала, кто я. Я не знала, где я. Но я знала одно: я должна выжить. И для этого мне придётся стать кем-то другим».

— из дневника Мари, запись от 7 октября (1847 год)

В реальности прошло три дня. Пьер сидел у постели Мари, держа её за руку. Он читал ей «Джейн Эйр» — с первой страницы, медленно, внятно. Иногда он замолкал, смотрел на её лицо и ждал. Но она не открывала глаза. Только дышала — ровно, спокойно. Как всегда.

А Мари в это время стояла посреди незнакомой комнаты, прижимая книгу к груди, и не знала, что делать. Мысли путались. «Это сон. Я сплю. Я в больнице. Мне просто снится». Но запах был слишком реальным. Пахло воском, старым деревом и немного лавандой. И свет был слишком ярким. И пол под ногами был слишком холодным.

Она сделала шаг к двери. Потом ещё один. Ноги дрожали. Она взялась за ручку — тяжёлую, латунную — и приоткрыла дверь. За ней был коридор. Длинный, с высокими потолками, с портретами на стенах. На полу — ковёр, красный, с вытертыми краями. Мари вышла в коридор и огляделась. Слева — лестница, широкая, с резными перилами. Справа — ещё несколько дверей. И тишина. Такая тишина, что она слышала, как стучит собственное сердце.

Она не знала, куда идти. Просто стояла и смотрела. И тут услышала шаги. Быстрые, лёгкие. По лестнице поднималась женщина. Молодая, в тёмном платье с белым фартуком. Горничная. Она поднялась наверх и увидела Мари. И остановилась.

— Мадемуазель! — воскликнула она. — Вы уже встали! Вам нельзя! Доктор сказал, вам нужен покой!

Мари смотрела на неё и не понимала. Горничная говорила по-французски, но с каким-то странным акцентом. И слова были другими. Не такими, как она привыкла.

— Я... — начала Мари. — Я не...

— Мадемуазель, вам нужно лежать! — Горничная подошла и взяла её под руку. — Пойдёмте, я провожу вас обратно. Ваша матушка будет очень волноваться.

— Моя матушка? — переспросила Мари.

Горничная посмотрела на неё с тревогой.

— Мадемуазель, вам плохо? Вы помните, что случилось?

Мари покачала головой. Она ничего не помнила. И ничего не понимала.

— Пойдёмте, — повторила горничная. — Я позову вашу матушку.

Она отвела Мари обратно в комнату. Усадила на кровать. Поправила подушки. И вышла, бросив на ходу: «Я сейчас вернусь. Не вставайте».

Мари осталась одна. Она смотрела на свои руки. На книгу. На платье, которое висело на стуле. И пыталась вспомнить. Что-то. Хоть что-нибудь. Но в голове была только темнота. И трещина в потолке. И лицо Пьера. И голос: «Мари, очнись!»

Она закрыла глаза. И тут же открыла. Потому что услышала шаги. В коридоре. Быстрые, взволнованные. Дверь открылась.

В комнату вошла женщина. Немолодая, но красивая. Светлые волосы, убранные в пучок. Тёмное платье с высоким воротом. В глазах — тревога. За ней — мужчина. Высокий, седой, с усами. В сюртуке. Он выглядел строго, но в глазах тоже была тревога.

Женщина бросилась к Мари. Села рядом. Взяла её за руки.

— Мари! — воскликнула она. — Дорогая моя! Ты очнулась! Слава богу!

Мари смотрела на неё и не узнавала. Она никогда не видела эту женщину. Но что-то в её лице было знакомым. Что-то в глазах. В том, как она держала её руки.

— Кто вы? — спросила Мари.

Женщина замерла. Посмотрела на мужчину. Потом снова на Мари.

— Мари, — сказала она медленно, будто говорила с ребёнком. — Это я. Твоя мама. Ты меня не помнишь?

Мари покачала головой.

— Я... я не знаю вас. Простите. Я не знаю, кто вы.

Мужчина подошёл ближе. Он смотрел на Мари с болью.

— Мари, — сказал он. — Я твой отец. Ты упала. С лошади. Ударилась головой. Доктор сказал, что может быть... что память может... — он запнулся. — Но ты жива. Это главное. Ты жива.

Мари смотрела на них. На женщину, которая называла себя её матерью. На мужчину, который называл себя её отцом. И чувствовала, как что-то сжимается в груди. Она не знала их. Но они знали её. Они смотрели на неё с любовью. С тревогой. С надеждой.

— Я не понимаю, — сказала она. — Я не понимаю, что происходит. Я не знаю этого места. Я не знаю вас. Я не знаю, как я здесь оказалась.

Женщина — её мать — погладила её по руке.

— Всё хорошо, дорогая. Всё хорошо. Ты дома. Ты в безопасности. Мы позаботимся о тебе.

Мужчина — её отец — кивнул.

— Доктор сказал, что память может вернуться. Может, не сразу. Но вернётся. Тебе нужно отдыхать. И не волноваться.

Мари хотела сказать, что она не волнуется. Что она просто не понимает. Но слова застряли в горле. Потому что она вдруг поняла: они не врут. Они действительно верят, что она — их дочь. И это было страшнее всего.

Прошло несколько дней. Мари не знала, сколько именно. Дни текли медленно, как во сне. Она почти не выходила из комнаты. Горничная — её звали Клэр — приносила ей еду. Помогала одеться. Расчёсывала волосы. Мари смотрела на неё и думала: «Она знает меня. Она знает мою жизнь. А я — нет».

Мать заходила каждый день. Садилась рядом. Рассказывала о её детстве. О том, как она любила читать. Как пряталась в библиотеке с книгой. Как отец учил её ездить верхом. Мари слушала. И пыталась представить. Но не могла. Это была чужая жизнь. Чужие воспоминания.

Однажды она подошла к окну. Раздвинула портьеры. За окном был сад. И улица. И люди. Она смотрела на них и думала: «Я не знаю этих людей. Я не знаю этого мира. Но я должна как-то жить здесь. Должна делать вид, что всё нормально. Потому что иначе... что? Иначе я сойду с ума».

Она начала подстраиваться. Медленно. Осторожно. Она наблюдала. Слушала. Училась. Как говорить. Как одеваться. Как вести себя за столом. Мать учила её. Мягко, терпеливо. «Мари, дорогая, не так быстро. Ты забыла?» Мари кивала. Говорила: «Прости, мама. Я забыла». И мать улыбалась. Гладила её по руке. Говорила: «Всё хорошо. Всё вернётся».

А по вечерам Мари сидела у окна. Смотрела на улицу. И думала о другом мире. О доме. О Пьере. О трещине в потолке в форме птицы. И о том, что она, наверное, никогда его больше не увидит.

В то утро она стояла у окна. Как обычно. Смотрела на сад. На дорожки, посыпанные гравием. На розы. На фонтан. И вдруг увидела карету. Чёрную, блестящую. Она въехала в ворота и остановилась у крыльца.

Мари замерла. Она смотрела, как открывается дверца. Как выходит мужчина. Молодой, высокий. В тёмном сюртуке. Светлые волосы. Он поправил шляпу и посмотрел на дом. Мари смотрела на него и не чувствовала ничего. Ни узнавания, ни тепла, ни страха. Просто чужой человек. Незнакомец. Он стоял внизу, на дорожке, и смотрел на дом, в котором она находилась. И она не знала его.

За её спиной раздался голос. Клэр.

— Мадемуазель, — сказала она. — Ваш жених приехал.

Мари обернулась.

— Мой... жених?

— Да, мадемуазель. Месье Анри. Он приезжает каждую неделю. С тех пор, как вы упали. Он так волновался.

Мари снова посмотрела в окно. Мужчина уже поднимался по ступеням. Она смотрела на него. На его лицо. На его глаза. И думала: «Анри. Жених. Я должна его знать. Но я не знаю его. Я не знаю этого человека».

Она услышала шаги в коридоре. Быстрые, уверенные. Дверь открылась. И он вошёл. Молодой. Красивый. С внимательными глазами. Он посмотрел на неё — и улыбнулся.

— Мари, — сказал он. — Я так рад тебя видеть. Я так волновался.

Она смотрела на него и не знала, что сказать. Потому что она не знала его. Совсем. Он был для неё чужим — как стены этой комнаты, как этот город, как этот век.

— Я... — начала она. — Простите. Я не помню вас.

Улыбка на его лице дрогнула. Но он не отвёл взгляд.

— Я знаю. Мне сказали. — Он подошёл ближе. Взял её за руку. — Но это не важно. Я подожду. Столько, сколько нужно. Я никуда не уйду.

Мари смотрела на его руку. На его пальцы. На то, как он держал её руку. И ничего не чувствовала. Только холод. Его пальцы были тёплыми, но её рука оставалась холодной. Она не знала этого человека. Она не знала, что сказать ему. Она не знала, как себя вести.

Она подняла глаза. И посмотрела на него.

— Анри, — сказала она. Просто чтобы что-то сказать.

Он улыбнулся. Искренне.

— Да. Это я.

Глава 4. Обед

«Я сидела за столом, смотрела на их лица и думала: "Я не знаю вас. Но я должна делать вид, что знаю. Потому что иначе они поймут, что я не та, за кого себя выдаю"».

— из дневника Мари, запись от 10 октября (1847 год)

Клэр пришла в половине двенадцатого. Она постучала — тихо, двумя костяшками, — и вошла, не дожидаясь ответа. В руках она несла платье. Тёмно-зелёное, с высоким воротом, с длинными рукавами, с рядами мелких пуговиц на спине. Тяжёлое. Плотное. Не такое, как джинсы и свитера, которые Мари носила дома.

— Мадемуазель, — сказала Клэр, — пора одеваться. Обед через полчаса.

Мари сидела на кровати. Она смотрела на платье и думала: «Я никогда не носила такого. Но я должна. Потому что иначе они поймут».

Клэр помогла ей снять ночную рубашку. Потом взяла корсет. Он был из плотной ткани, с косточками, с длинными шнурками сзади.

— Дышите, мадемуазель, — сказала Клэр, затягивая шнурки.

Мари вдохнула. Клэр затянула сильнее. Мари почувствовала, как рёбра сдавило. Как будто её тело сжимают в тиски. Она хотела сказать: «Хватит». Но не сказала. Потому что знала: так надо. Так делают все. Так делала та Мари.

Клэр надела на неё платье. Застегнула пуговицы на спине — одну за другой, медленно, аккуратно. Поправила ворот. Одёрнула складки.

— Вот так, — сказала она, отступив на шаг. — Теперь волосы.

Мари села на стул перед туалетным столиком. Клэр взяла гребень и начала расчёсывать её волосы. Долго, тщательно. Потом собрала их в пучок. Закрепила шпильками. Одну за другой. Мари чувствовала, как металл касается кожи головы. Холодно.

— Вы прекрасно выглядите, мадемуазель, — сказала Клэр. — Месье Анри будет доволен.

Мари посмотрела в зеркало. На неё смотрела незнакомая женщина. Бледная, с тёмными кругами под глазами. С волосами, убранными так туго, что казалось, будто лицо натянуто. В платье, которое было ей не по размеру — оно висело на ней, потому что она похудела. Или потому, что это платье было не её. Или потому, что она сама была не своя.

— Я готова, — сказала она.

Клэр провела её по коридору. Мимо портретов — мужчины в париках, женщины в платьях с кринолинами, дети с серьёзными лицами. Мари смотрела на них и думала: «Это чьи-то предки. Чьи-то лица. Чьи-то жизни. А я иду мимо них, как будто я тоже часть этой жизни. Но я не часть. Я здесь случайно».

Лестница была широкой, с резными перилами из тёмного дерева. Мари держалась за них. Осторожно. Медленно. Она помнила, как упала. Помнила, как летела. Помнила, как ударилась. И теперь боялась ступенек. Боялась, что снова поскользнётся.

Она спустилась вниз. Клэр открыла дверь в столовую. И Мари вошла.

Столовая была большой. С высокими потолками, с лепниной на стенах, с люстрой, которая висела прямо над столом. Люстра была хрустальной, с множеством подвесок. Она блестела, хотя свечи ещё не зажгли. Свет шёл из окон — больших, от пола до потолка, с тяжёлыми портьерами.

Стол был дубовый, длинный, на двенадцать персон. Но накрыт был на четверых. Скатерть — белая, накрахмаленная, с вышитыми краями. Тарелки — с золотой каймой. Серебряные приборы — вилки, ножи, ложки. Несколько штук, разного размера. Мари смотрела на них и не знала, какой пользоваться. Хрустальные бокалы — для воды, для вина. Салфетки, сложенные в форме лебедей. Маленькие карточки с именами.

Мари не знала, куда сесть. Она стояла у двери, как потерянная. Мать подошла к ней и коснулась её руки.

— Мари, дорогая, — сказала она тихо, — твоё место здесь.

Она кивнула на стул. Справа от неё. Мари села. Справа от неё села мать. Слева — отец. Напротив — пустой стул. Для Анри.

Мари положила руки на колени. Спина была прямой. Как учили. Она не знала, кто учил. Но она знала, что так надо. Она смотрела на стол. На тарелки. На приборы. На лебедей из салфеток. И думала: «Это слишком. Слишком много. Слишком красиво. Слишком не по-настоящему».

Вошёл Анри. Он был в тёмном сюртуке. С белоснежным воротником. С белыми перчатками. Он был высоким. Светлые волосы. Внимательные глаза. Он улыбнулся — сначала матери, потом отцу, потом Мари. И сел напротив.

— Добрый день, — сказал он.

— Добрый день, — ответили все хором.

Мари тоже сказала. Просто чтобы не выделяться. Её голос прозвучал тихо. Но никто не заметил.

Подали суп. Лакей в ливрее налил суп из серебряного супника. В тарелках плавали кусочки чего-то белого. Мари взяла ложку. И тут же поняла, что не знает, как правильно есть. Она смотрела на мать. На отца. На Анри. Они ели медленно, аккуратно. Ложку подносили ко рту, не наклоняясь. Не чавкали. Не дули на суп. Мари попыталась повторить. У неё получилось. Но руки дрожали.

— Мари, — сказал Анри, — как ты себя чувствуешь сегодня?

Она подняла глаза. Он смотрел на неё с участием. С заботой. С чем-то ещё, чего она не могла определить.

— Лучше, — сказала она. — Спасибо.

— Я рад. Я так волновался за тебя. Когда мне сказали, что ты упала с лошади... — он замолчал. Посмотрел в свою тарелку. Потом снова на неё. — Я не находил себе места. Я хотел приехать сразу. Но твой отец сказал, что тебе нужен покой.

Мари кивнула. Она не знала, что сказать. Она не помнила, как падала с лошади. Она не помнила, как вообще оказалась в этом мире. Она не помнила его.

— Спасибо, — сказала она. — Это... это очень мило.

Анри улыбнулся. Но улыбка была натянутой. Будто он ждал чего-то другого. Будто он ждал, что она скажет что-то ещё. Что-то более тёплое. Но она не знала, что сказать.

Отец кашлянул.

— Анри, — сказал он, — расскажи нам о своих планах. Ты ведь хотел поехать в Париж?

Анри оживился. Он отложил ложку и начал говорить. О делах. О каких-то бумагах. О наследстве. О поездке. О том, что в Париже сейчас много возможностей. Что он думает открыть дело. Что ему нужны люди, которым он может доверять.

Мари слушала. Но не слышала. Она смотрела на его руки. На то, как он держал вилку. На его лицо. На то, как он улыбался. На то, как он иногда смотрел на неё — украдкой, будто проверял, слушает ли она. И думала: «Я должна его знать. Но я не знаю его. Я не знаю этого человека. И я не знаю, что мне делать».

— Мари, — сказал вдруг Анри, — ты сегодня очень молчалива. Ты уверена, что с тобой всё хорошо?

Она посмотрела на него. И вдруг поняла: он ждёт. Он ждёт, что она скажет что-то. Что она будет той Мари, которую он знал. Но она не была той Мари. Она была другой. И она не знала, как это скрыть.

— Прости, — сказала она. — Я просто... устала. Голова ещё болит.

Мать тут же положила свою руку на её руку.

— Дорогая, может, тебе стоит отдохнуть? Я скажу Клэр, чтобы она проводила тебя в комнату.

— Нет, — сказала Мари. — Я хочу остаться. Я хочу... — она запнулась. — Я хочу побыть с вами.

Отец улыбнулся. Впервые за всё время. Улыбка была тёплой. Искренней.

— Это хорошо, Мари. Мы скучали по тебе.

Мари посмотрела на него. На его седые волосы. На его усталые глаза. На морщины вокруг рта. И подумала: «Он верит, что я его дочь. Он смотрит на меня и видит её. Ту Мари, которая была здесь до меня. И я должна быть ею. Иначе я их потеряю. А я не могу их потерять. Потому что я не знаю, как вернуться домой».

— Расскажи мне, — сказала она. — Расскажи мне о моём детстве. Я хочу вспомнить.

Мать улыбнулась. И начала рассказывать. О том, как Мари в детстве любила прятаться в библиотеке. Как она читала книги, которые ей не разрешали. Как отец учил её ездить верхом. Как она упала в первый раз. Как плакала. Как он сказал: «Вставай. Лошадь чувствует страх. Если ты боишься, она тоже боится».

Мари слушала. И пыталась представить. Себя — маленькую. На лошади. В библиотеке. С книгой. Но не могла. Это была чужая жизнь. Чужие воспоминания. Чужая девочка.

Анри смотрел на неё. Не отрываясь. Будто пытался понять, что с ней. И Мари чувствовала этот взгляд. Он был тяжёлым. Он был полон вопросов. Но она не могла на них ответить. Она не знала ответов.

Подали второе. Жаркое из ягнёнка. С овощами. С соусом. Мари ела медленно. Она не чувствовала вкуса. Она просто жевала и глотала. Как автомат. Она смотрела на тарелку и думала: «Я делаю это уже сотый раз. Жую. Глотаю. Улыбаюсь. Киваю. Но я не здесь. Я где-то далеко. В другом мире. В другой жизни».

Потом подали десерт. Что-то с яблоками и корицей. Мари взяла ложку. И снова не знала, как правильно есть. Она смотрела на Анри. Он ел медленно. Аккуратно. Он не смотрел на неё. Он смотрел в свою тарелку. И Мари почувствовала что-то похожее на облегчение. Хоть на минуту она была не в центре внимания.

Но потом он поднял глаза. И посмотрел на неё.

— Мари, — сказал он. — Я хотел тебе кое-что сказать.

Она замерла с ложкой в руке.

— Что?

— Я говорил с твоим отцом. И с твоей матерью. Мы решили, что после бала... — он сделал паузу. — После бала мы объявим о нашей помолвке. Официально.

Мари почувствовала, как ложка дрогнула в её руке. Она посмотрела на мать. На отца. Они улыбались. Они знали. Они всё знали.

— О... помолвке? — переспросила она.

— Да, — сказал Анри. — Мы ведь уже год как помолвлены. Но после твоего падения... мы хотели подождать. Чтобы ты поправилась. И теперь, когда тебе лучше... — он улыбнулся. — Я хочу, чтобы все знали. Я хочу, чтобы ты была моей женой.

Мари смотрела на него. На его улыбку. На его глаза. И думала: «Я не знаю тебя. Я не знаю, кто ты. Я не знаю, что я чувствую. Я не знаю, хочу ли я быть твоей женой. Но я не могу сказать "нет". Потому что тогда они поймут. Тогда они узнают, что я не та Мари».

Она хотела что-то сказать. Хотела открыть рот. Но слова застряли в горле. Она не знала, что сказать. Не знала, как отказать. Не знала, как согласиться. И поэтому она просто молчала. Смотрела на него. И молчала.

Анри ждал. Его улыбка начала дрожать. Он посмотрел на мать. На отца. Потом снова на Мари.

— Мари? — сказал он. — Ты... ты ничего не говоришь.

Она продолжала молчать. Слова не шли. Она чувствовала, как тишина становится тяжёлой. Как она давит на неё. Как все смотрят на неё. И ждут. И она не может ничего сказать.

Мать пришла на помощь. Она положила руку на плечо Мари и мягко улыбнулась.

— Анри, дорогой, — сказала она. — Ты же знаешь, Мари ещё не совсем поправилась. Ей нужно время. Не торопи её.

Анри кивнул. Но в его глазах было что-то ещё. Что-то похожее на тревогу. Или на обиду. Он взял руку Мари и поцеловал.

— Конечно, — сказал он. — Я подожду. Столько, сколько нужно.

Мари смотрела на его руку. На его пальцы. И ничего не чувствовала. Только пустоту.

Обед закончился. Подали кофе. Маленькие чашки. Крепкий, горький напиток. Мари сделала глоток. И поморщилась. Она не любила кофе. Но она не сказала. Она просто пила. Потому что так надо.

Потом Анри встал. Он сказал, что ему нужно ехать. Дела. Он попрощался с отцом, с матерью. Потом подошёл к Мари. Взял её за руку.

— Я приеду через неделю, — сказал он. — Может быть, раньше. Если ты захочешь меня видеть.

Мари кивнула. Она не знала, хочет ли она его видеть. Она не знала, что она вообще хочет.

Он наклонился и поцеловал ей руку. Его губы были тёплыми. Но Мари ничего не почувствовала. Она просто смотрела, как он уходит. Как закрывается за ним дверь. Как стихают его шаги. Как лакей убирает со стола. Как мать встаёт и подходит к ней.

Мать подождала, пока за Анри закроется дверь. Потом повернулась к Мари. Её лицо было мягким. Но в глазах была тревога.

— Мари, — сказала она. — Через три дня будет бал. В честь твоего выздоровления. Мы уже разослали приглашения. Бал будет в замке графа де Монтень. На краю обрыва. Это большая честь для нас.

Мари обернулась.

— Бал? В замке?

— Да, дорогая. Граф де Монтень — старинный друг твоего отца. Он редко открывает свои двери. Но для тебя сделал исключение. Ты должна быть там. Все хотят тебя видеть. И Анри будет там. Он будет ждать тебя.

Мари смотрела на неё и думала: «Бал. Замок. Я должна танцевать. Я должна улыбаться. Я должна быть той Мари, которую они знают. Но я не знаю, как танцевать. Я не знаю, как улыбаться. Я не знаю, как быть ею».

— Хорошо, — сказала она. — Я буду.

Мать улыбнулась. И поцеловала её в лоб.

— Вот и хорошо. Всё будет замечательно. Ты увидишь.

Мари кивнула. И пошла в свою комнату. Она поднялась по лестнице. Широкой, с резными перилами. И думала: «Через три дня бал. Через три дня я должна быть той, кем не являюсь. Через три дня я должна танцевать с человеком, которого не знаю. И я не знаю, смогу ли я это сделать».

Она вошла в комнату. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. И закрыла глаза.

«Где ты, Пьер? — подумала она. — Где ты, мой мир? Где ты, моя жизнь?»

Ответа не было.

Глава 5. Красное платье

«Я стояла перед гардеробом и смотрела на него. Красное. Яркое. Дерзкое. Оно было таким же, как то, платье, которое висело в моём шкафу дома. Пять лет. В чехле. Я так и не надела его. Но здесь... здесь я могла. И я хотела».

— из дневника Мари, запись от 12 октября (1847 год)

Утро дня бала началось рано. Клэр пришла в семь. Она постучала — тихо, двумя костяшками, — и вошла, не дожидаясь ответа. В руках она несла платье. Бледно-голубое, с открытыми плечами, с кружевами на рукавах. Оно было тяжёлым. Плотным. С рядом мелких пуговиц на спине.

— Мадемуазель, — сказала Клэр, — пора одеваться. Бал начнётся в полдень, а нам ещё нужно успеть уложить волосы.

Мари сидела на кровати. Она смотрела на платье и думала: «Я никогда не носила такого. Но я должна. Потому что иначе они поймут».

Клэр помогла ей снять ночную рубашку. Потом взяла корсет. Он был из плотной ткани, с косточками, с длинными шнурками сзади.

— Дышите, мадемуазель, — сказала Клэр, затягивая шнурки.

Мари вдохнула. Клэр затянула сильнее. Мари почувствовала, как рёбра сдавило. Как будто её тело сжимают в тиски. Она хотела сказать: «Хватит». Но не сказала. Потому что знала: так надо. Так делают все. Так делала та Мари.

Клэр надела на неё голубое платье. Застегнула пуговицы на спине — одну за другой, медленно, аккуратно. Поправила ворот. Одёрнула складки.

— Вот так, — сказала она, отступив на шаг. — Теперь волосы.

Мари села на стул перед туалетным столиком. Клэр взяла гребень и начала расчёсывать её волосы. Долго, тщательно. Потом собрала их в сложную причёску. С локонами, с лентами, с маленькими жемчужинами.

— Вы прекрасны, мадемуазель, — сказала Клэр.

Мари посмотрела в зеркало. На неё смотрела незнакомая женщина. Бледная, с тёмными кругами под глазами. С волосами, убранными так туго, что казалось, будто лицо натянуто. В голубом платье, которое было ей не по размеру — оно висело на ней, потому что она похудела. Или потому, что это платье было не её. Или потому, что она сама была не своя.

— Я готова, — сказала она.

Клэр вышла — за перчатками. Мари осталась одна. Она сидела перед зеркалом и смотрела на своё отражение. И думала: «Я не знаю эту женщину. Я не знаю, кто она. Она выглядит так, будто ей всё равно. Будто она смирилась. Но я не смирилась. Я не хочу быть ею».

Она встала. Подошла к гардеробу. Он был большим, тёмным, с резными дверцами. Она открыла его. Внутри висели платья. Много платьев. Голубые, зелёные, бежевые, серые. Все скромные. Все правильные. Все не её.

И тут она увидела его. В самом дальнем углу. За другими платьями. Красное. Яркое. Дерзкое. Оно висело там, будто его спрятали. Будто его не хотели показывать. Мари протянула руку и коснулась ткани. Шёлк. Гладкий, прохладный. Она вытащила его. Оно было длинным, с открытыми плечами, с корсетом, с юбкой, которая струилась, как вода. На груди — вышивка золотыми нитями. На талии — атласная лента.

Мари смотрела на него и не верила своим глазам. Это было то же платье. То самое. Которое висело в её шкафу дома. В чехле. Пять лет. Которое она так и не надела. Которое боялась надеть, потому что «некуда». Потому что «слишком». Потому что «что подумают люди».

Она держала его в руках и чувствовала, как что-то сжимается в груди. Не страх. Не радость. Что-то другое. Что-то похожее на решимость.

— Я надену его, — сказала она вслух.

Она сняла голубое платье. Расшнуровала корсет. И надела красное. Оно село идеально. Будто было сшито для неё. Будто ждало её. Будто знало, что она придёт.

Она посмотрела в зеркало. И впервые за всё время, что она была здесь, она увидела себя. Ту себя. Ту женщину, которая когда-то красила прядь в синий. Ту, которая смеялась громко. Ту, которая мечтала. Ту, которая хотела.

Она не улыбнулась. Но что-то в её глазах изменилось. Что-то, чего не было раньше. Что-то похожее на жизнь.

Вошла Клэр. Увидела красное платье. И замерла.

— Мадемуазель... — начала она. — Это платье...

— Я надену его, — сказала Мари. Твёрдо. Так, как она давно ничего не говорила.

— Но... ваша матушка... она говорила, что вы должны быть в голубом. Голубой — цвет невесты. Цвет скромности.

— Я не невеста, — сказала Мари. — Я ещё не дала согласия.

Клэр посмотрела на неё. Долго. Внимательно. Потом улыбнулась. Тихо. Будто разделяла её тайну.

— Хорошо, мадемуазель. Красное так красное. Я только поправлю вам волосы.

Она подошла и вытащила шпильки. Волосы Мари рассыпались по плечам. Клэр расчесала их и уложила иначе. Не в тугой пучок. А мягкими волнами. С одной стороны — локон, спадающий на плечо. С другой — лента. Красная. В тон платью.

— Вот так, — сказала Клэр. — Теперь вы похожи на себя.

Мари посмотрела в зеркало. И кивнула. Она не знала, кто она. Но она знала, что это платье — её. И этот цвет — её. И этот момент — тоже её.

Карета ждала у крыльца. Чёрная, блестящая, с золотыми гербами на дверцах. Лакей открыл дверцу. Мари вышла из дома. Мать уже сидела в карете. Она увидела красное платье. И побледнела.

— Мари! — воскликнула она. — Что это? Ты же должна быть в голубом!

— Я надела красное, — сказала Мари. — Мне так хочется.

— Но... что скажут люди? Что скажет граф?

— Пусть говорят, что хотят, — сказала Мари. — Я устала быть той, кем меня хотят видеть.

Мать открыла рот. Хотела что-то сказать. Но промолчала. Потому что увидела в глазах Мари что-то такое, чего не видела раньше. Что-то твёрдое. Что-то, что не позволяло спорить.

Мари села в карету. Лакей закрыл дверцу. Карета тронулась. Мари смотрела в окно. Мимо проплывали поля, виноградники, маленькие деревни. Потом — лес. Потом — скалы. И море.

Море было серым. Холодным. Оно билось о скалы с такой силой, что брызги долетали до дороги. Мари смотрела на него и думала: «В моём мире тоже есть море. Я люблю его. Но я никогда не была на нём с Пьером. Мы собирались. Но так и не поехали».

Она почувствовала, как что-то сжалось в груди. Но не отвернулась. Она смотрела на море. И думала: «Может быть, однажды. Может быть, когда-нибудь. Но не сейчас. Сейчас я еду на бал. В замок. В красном платье. И я не знаю, что будет дальше. Но я знаю, что я больше не буду той, кем была. Я буду той, кем хочу быть».

Карета свернула за поворот. И впереди показался замок.

Мари замерла. Она ожидала увидеть что-то серое. Холодное. Мрачное. Но то, что она увидела, было совсем другим.

Замок стоял на краю обрыва, но он не был серым. Он был светлым. Из тёплого песчаника, с высокими башнями, с черепичными крышами, с окнами, в которых отражалось солнце. Он

выглядел не как крепость. Он выглядел как дом. Большой, старый, но живой. Будто его любили. Будто о нём заботились.

А вокруг него был сад. Огромный. Шикарный. Мари никогда не видела такого. Розы — красные, белые, розовые — росли вдоль дорожек, увитых плющом. Фонтаны били в воздух, и вода сверкала на солнце. Деревья — старые, с широкими кронами — стояли, как стражи. Аллеи были посыпаны белым гравием, и по ним гуляли павлины. Настоящие павлины. С распущенными хвостами.

Мари смотрела на это и не могла поверить. Она видела такое только в книгах. В тех самых исторических романах, которые читала тайно. И теперь она была здесь. В этом саду. В этом замке. В этом мире.

— Красиво, правда? — сказала мать. — Граф де Монтень гордится своим садом. Говорят, его прадед привёз сюда растения со всего света.

Мари ничего не ответила. Она просто смотрела. На розы. На фонтаны. На павлинов. И думала: «Это слишком красиво. Слишком. Как будто я попала в книгу. Но это не книга. Это моя жизнь. И я не знаю, что с ней делать».

Карета остановилась у ворот. Лакей открыл дверцу. Мари вышла. Ветер ударил ей в лицо — тёплый, с запахом роз и моря. Она посмотрела на замок. На сад. На павлинов. И сделала шаг вперёд.

Глава 6. Бал

«Я стояла в дверях и смотрела на них. Сотни людей. Красивых. Уверенных. Счастливых. Они не знали меня. Но они смотрели на меня так, будто знали всю жизнь. И я должна была делать вид, что это взаимно».

— из дневника Мари, запись от 13 октября (1847 год)

Карета остановилась у ворот, но не сразу — перед ней уже стояли другие. Много других. Чёрные, блестящие, с гербами на дверцах. Они выстроились вдоль аллеи, как стражи. Лошади фыркали, переступали с ноги на ногу. Кучера в ливреях переговаривались между собой. Лакеи бегали с зонтами — небо потемнело, и с моря тянуло сыростью.

Мари смотрела в окно и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Она не любила толпу. Всегда не любила. В реальности она предпочитала тихие библиотеки и пустые комнаты. А здесь было наоборот — чем больше людей, тем громче музыка, тем ярче свет, тем сильнее чувство, что ты не на своём месте.

— Приехали, — сказала мать. Голос у неё был сухой.

Лакей открыл дверцу. Мари вышла первой. Ветер ударил в лицо — холодный, солёный, с запахом дождя. Она поёжилась. Платье было тонким. Красный шёлк не согревал.

Мать вышла следом. Она всё ещё хмурилась. С тех пор, как увидела красное платье, она не сказала Мари ни слова. Только смотрела в окно кареты и поджимала губы.

— Идём, — сказала она. — Нас ждут.

Сад был полон людей. Они гуляли по аллеям, стояли у фонтанов, сидели на скамейках. Дамы в платьях всех цветов — голубых, розовых, белых, золотых. Кавалеры в тёмных сюртуках, с белыми перчатками, с тростями. Слуги с подносами, на которых стояли бокалы с вином. Музыка доносилась из замка — тихая, но настойчивая. Скрипки. Фортепиано. Что-то ещё, чего Мари не могла определить.

Она шла рядом с матерью. Спина прямая. Руки сложены перед собой. Взгляд — вперёд. Так, как учили. Она не знала, кто учил. Но она знала, что так надо.

Люди оборачивались. Смотрели на неё. На красное платье. На распущенные волосы. На красную ленту. Мари чувствовала эти взгляды. Они были разными. Удивлёнными. Любопытными. Осуждающими. Она не реагировала. Просто шла. Шаг за шагом. К двери замка.

У входа стоял лакей. Он спросил имя. Мать ответила. Лакей кивнул и открыл дверь.

Внутри было ещё красивее, чем снаружи. Зал был огромным. С высокими потолками, с лепниной, с фресками на стенах. Люстры — три, не меньше — висели над полом, и в каждой горели сотни свечей. Свет был тёплым, золотистым. Он отражался в зеркалах, в хрустале, в золоте. На полу — паркет, тёмный, натёртый до блеска. По нему скользили пары. Танцевали. Кружились. Их платья развевались, как крылья. Их лица были счастливыми. Или казались такими.

Мари остановилась в дверях. Она смотрела на них и думала: «Я не знаю этих людей. Я не знаю этого танца. Я не знаю этой музыки. Но я должна войти. Должна улыбнуться. Должна быть той Мари, которую они знают».

Мать взяла её под руку.

— Идём, — сказала она. — Я представлю тебя графу.

Они шли через зал. Люди расступались. Смотрели. Шептались. Мари слышала обрывки фраз. «Это та самая мадемуазель...», «Говорят, она потеряла память...», «Красное платье... как смело...».

Она не реагировала. Просто шла. Прямая спина. Взгляд вперёд. Мать рядом. Рука в руке.

Граф де Монтень стоял в центре зала. Он был высоким, седым, с строгим лицом. В тёмном сюртуке, с серебряными пуговицами. Он разговаривал с кем-то, но увидел Мари — и замолчал.

Мать подвела её.

— Ваше сиятельство, — сказала она. — Позвольте представить вам мою дочь. Мари.

Граф посмотрел на Мари. Долго. Внимательно. Его глаза скользнули по красному платью. По распущенным волосам. По красной ленте. Он не улыбнулся. Но и не нахмурился.

— Мадемуазель, — сказал он. — Я наслышан о вашей истории. Вы упали с лошади. И потеряли память. Это печально.

— Спасибо, ваше сиятельство, — сказала Мари. — Я стараюсь вспомнить.

— А память не возвращается?

— Пока нет. Но я надеюсь.

Граф кивнул. Потом посмотрел на её платье.

— Красный цвет, — сказал он. — Смелый выбор. В этом сезоне дамы предпочитают голубой и белый.

— Я знаю, — сказала Мари. — Но мне захотелось красный.

Граф посмотрел на неё ещё раз. Внимательнее. И что-то в его глазах изменилось. Будто он увидел в ней что-то, чего не ожидал.

— Что ж, — сказал он. — Красный вам идёт. Не многие могут его носить.

Он повернулся к остальным гостям. Поднял руку. Музыка стихла.

— Дамы и господа, — сказал он. — Позвольте представить вам мадемуазель Мари. Сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать её выздоровление. Она перенесла тяжёлую болезнь. Но она здесь. С нами. И мы рады её видеть.

Зал взорвался аплодисментами. Мари стояла и смотрела на них. На сотни лиц. На сотни глаз. И думала: «Я не знаю вас. Но вы смотрите на меня так, будто знаете. И я должна делать вид, что это взаимно».

Она поклонилась. Медленно. Как учили. И отошла в сторону.

К ней подходили люди. Один за другим. Дамы в красивых платьях. Кавалеры в сюртуках. Они улыбались. Говорили комплименты. Спрашивали о здоровье. Мари отвечала. Коротко. Вежливо. Она не знала их имён. Но она кивала. Улыбалась. Говорила: «Спасибо». «Да». «Нет». «Я стараюсь».

Одна дама — пожилая, в тёмно-синем платье, с высокой причёской — подошла к ней и взяла её за руку.

— Мари, дорогая, — сказала она. — Я так рада тебя видеть. Я молилась за тебя каждый день.

Мари смотрела на неё и не знала, что сказать. Она не знала эту женщину. Но женщина смотрела на неё с любовью. С настоящей любовью.

— Спасибо, — сказала Мари. — Это... это очень мило.

— Ты помнишь меня? — спросила женщина. — Я мадам де Лаваль. Мы с твоей матерью дружим уже двадцать лет.

— Простите, — сказала Мари. — Я не помню.

Лицо женщины дрогнуло. Но она не отстранилась. Наоборот, сжала её руку крепче.

— Ничего, дорогая. Всё вернётся. Я уверена.

Мари кивнула. И почувствовала, как что-то сжимается в горле. Эта женщина была доброй. Искренней. Она любила ту Мари. Ту, которой здесь больше не было.

Она отошла к окну. Ей нужно было немного воздуха. Она стояла и смотрела на улицу. За окном начинался дождь. Мелкий, тихий. Капли стучали по стеклу. Люди в саду бежали к замку, прикрывая головы. Павлины прятались под деревьями. Розы мокли.

Мари смотрела на дождь и думала: «В моём мире тоже идёт дождь. Где-то. Может быть, сейчас. Может быть, Пьер стоит у окна и смотрит на него. И думает обо мне. Или не думает. Может быть, он уже забыл меня».

Она закрыла глаза. И на секунду представила, что стоит у окна в своей комнате. В доме на улице Лаванды. Смотрит на сад. На оливковое дерево. На трещину в потолке. И Пьер рядом. И всё на месте. И ничего не болит.

Она открыла глаза. Перед ней было окно. За окном — дождь. И незнакомый сад. И незнакомый мир. И она сама — незнакомая. В красном платье. С распущенными волосами. С красной лентой.

— Мари?

Она обернулась. Анри. Он стоял рядом. В чёрном сюртуке. С белым галстуком. С серебряными запонками. Он выглядел красивым. Очень красивым. И он смотрел на неё так, будто она была всем его миром.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Просто... здесь душно.

— Это из-за платья, — сказал он. И улыбнулся. — Красный цвет... я не ожидал.

— Тебе не нравится?

— Нравится. — Он помолчал. — Ты выглядишь... другой. Как будто ты не та, кого я знал.

Мари посмотрела на него. На его глаза. На его улыбку. И подумала: «Он прав. Я не та. Я другая. Но я не могу ему это сказать. Потому что тогда он поймёт. Тогда он узнает, что я не его Мари».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.